

информационных процессов. В самом общем виде модели ВПО и СО, как и сценарии, их будущего развития, являются логическим продолжением сценариев развития ЧЦ и МО. Сказанное означает, что любой прикладной военно-полити-

ческий анализ, а тем более стратегический прогноз, невозможны без достаточно системного анализа современного состояния и перспектив развития ЧЦ и вытекающих из этих сценариев последствий, т. е. других сценариев развития МО.

4.1. Место человеческой цивилизации в военно-политическом прогнозировании

...чтобы сохранить численность россиян на уровне 145 (вместе с Крымом) млн человек... к 2035 г., половина всех российских семей должны быть трёх-четырёх летними. Сегодня таких около 7 %. Как добиться, чтобы к ним прибавилось ещё 43 % семей, не знает никто.

Однако, если этот показатель не будет достигнут, в России к концу XXI в. — а по пессимистическим прогнозам, к 2060 г. — останется 80 млн человек⁴.

Ю. Крупнов, исследователь

Прогноз развития различных сценариев ВПО и СО на долгосрочную перспективу теряет всякий смысл вне рамок цивилизационного развития и перспектив развития отдельных наций и государств. Действительно, какое значение будет иметь тот, либо иной сценарий ВПО и СО, если не будет существовать цивилизация, либо она будет существовать в качественно ином виде? В полной мере это относится и к конкретной нации и государству, которые в данном случае являются не просто отдельными субъектами ВПО и СО, но прежде всего субъектами всего человечества и отношений между нациями внутри этого планетарного сообщества.

К сожалению, авторы стратегических прогнозов ограничиваются в лучшем случае отраслевыми прогнозами (а иногда и только региональными или даже подотраслевыми), закладывая изначально ошибку как в анализ современной ситуации, так и в прогноз на будущее.

Чтобы избежать этого нужно прежде всего определить общие контуры и закономерности цивилизационного развития в первой половине XXI века, которые можно назвать **1** (концептуальным) **этапом** разработки вероятного сценария. (При этом важно не забыть, что кроме вероятных сценариев сохраняются и теоретически возможные сценарии развития ЧЦ). На этом этапе принципиально важно определить не только дальнейшее развитие существующих важнейших тенденций и закономерностей человеческой цивилизации — цивилизационных, социокультурных, экономических, социально-политических, научно-технических и пр., — но

и попытаться определить, какие будущие парадигмы и качественно новые явления могут проявиться. Проблема, однако, заключается в том, что именно этот, первый этап развития ЧЦ, как правило, не интересует правительство и заказчиков. Их горизонты планирования ограничены сроком полномочий, а масштабы — отведенной компетенцией и существующей практикой.

Как видно из следующих рисунков, отображающих иерархию отношений в человеческой цивилизации, существуют (сверху вниз) разные уровни по степени важности и последствиям — от цивилизационного до социального и технологического, среди которых российские исследователи выделяют три уровня⁵:

Рис. 1.⁶

При этом совершенно справедливо утверждение не только о приоритете 1-го «цивилизационного» уровня, но и его решающем влиянии на 2-ой уровень, к которому, собственно говоря, и относятся военно-политические отношения.

Эту аксиому важно изначально признать для того, чтобы при последующих анализах и прогнозах сценариев МО, ВПО и СО не забывать, что военно-политические и иные социальные отношения («отношения 2-го уровня») являются производными от цивилизационных отношений 1-го уровня.

Именно на этом уровне происходят фундаментальные, базовые изменения в обществах, экономиках и государствах. Так, на уровне современного этапа развития ЧЦ, а именно, в последние 150 лет, произошли:

- радикальные изменения в численности населения Земли и его качества;
- взрывообразный рост ВВП в отдельных странах и регионах;

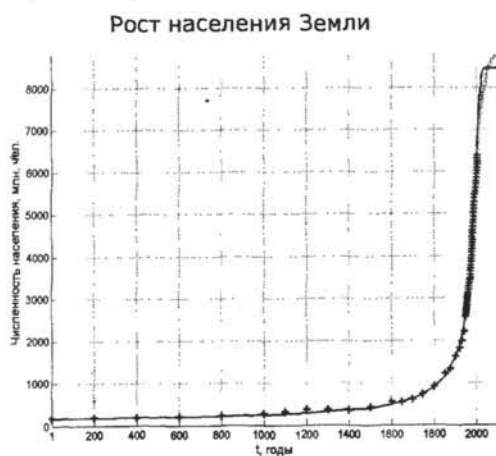

Рис. 2.⁷

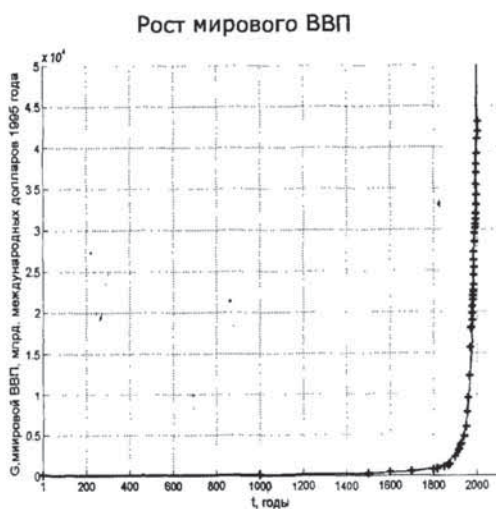

Рис. 3.

- всемирный рост грамотности;

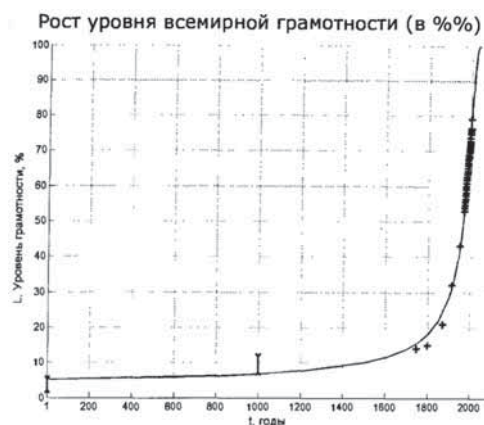

Рис. 4.⁸

- изменения в росте энергозатрат на производство единицы ВВП.

Рис. 5.⁹

Соответственно и все возможные и вероятные войны и вооруженные конфликты являются своего рода формами взаимодействия разных цивилизаций.

Несколько упрощенно уже цитированные авторы изобразили эти взаимоотношения следующим образом (рис. 6).

Как видно из рисунка, переход отношений между цивилизациями на стадию противостояния может привести либо к военному столкновению, либо политической конфронтации. И, наоборот, форма диалога может привести к разным формам сотрудничества (хотя и не исключает и вероятности политического (невоенного) противостояния).

Сказанное означает, что в современную эпоху, та или иная цивилизация (нация, государство, субъект МО), выбирая между «диалогом» и «столкновением», сознательно выбирает между

Формы и сферы взаимодействия локальных цивилизаций

Рис. 6.¹⁰

конфронтацией (политической, экономической, военной и т. д.) и сотрудничеством. Интересно это теоретическое рассуждение перенести на конкретный современный пример — политики США и России по отношению к Украине, — когда изначально был определен политический (и цивилизационный) выбор каждой стороны.

На втором этапе исследования важно выделить собственно важнейшие особенности развития международных отношений (МО) — политических, экономических, военных и иных, а также взаимосвязь между ними. Это важно сделать как по отношению к наиболее важным тенденциям и трендам развития МО, так и собственно субъектов МО — государств, международных организаций, коалиций, союзов, общественных организаций и др. участников МО¹¹.

Эта часть исследования объективно затруднена двумя обстоятельствами:

Во-первых, очень трудно проецировать сценарии развития ЧЦ на сценарии развития МО в силу того, что последние являются по определению сценариями 2-го уровня, т. е. не только производными от сценариев развития этих сценариев. Так, логическое продолжение, например, сценария развития ЧЦ под условным названием «партнерство цивилизаций» отнюдь не означает, что в рамках такого цивилизационного партнерства отношения между государствами будут развиваться (как предполагается) только в форме диалога. Отнюдь. Политический диалог может перейти в политическое противостояние и конфликт. Другими словами, «производное от производного» выводится всегда с существенными оговорками, что необходимо иметь в виду при дальнейшем прикладном анализе.

Наконец, на третьем этапе, который собственно и является предметом нашего прикладного исследования, анализа и развития сценариев ВПО и СО, из всего блока проблем МО вычлняется только одна его часть — военно-политическая обстановка (ВПО) и, возможно, стратегическая обстановка (СО). «За скобками» остаются важнейшие политические, экономические, технологические и иные факторы, не имеющие прямого отношения к ВПО и СО. Между тем такие факторы (например, новые открытия в ядерной физике, ракетостроении, в 20-е и 30-е годы XXI в.) могут иметь, в конечном счете, важное военное значение.

Изначальная, базовая точка отсчета — точный и корректный анализ современного состояния человеческой цивилизации, МО и ВПО, «привязка» его не только по времени (например, середина 2014 года), но и «по месту», т. е. периоду развития человеческой цивилизации. В этом случае развитие уже существующих сценариев и тенденций ВПО и СО будет зависеть, как минимум, от определения следующих условий и обстоятельств в развитии ЧЦ и МО:

- от направленности, вектора движения («угла движения») развития ЧЦ и МО, которая в определенный период времени (например, середина 2014 года) имеет вполне определенное направление. В частности, в 2014 году направление в развитии ЧЦ можно охарактеризовать как опасное, угрожающее самому существованию цивилизации и особенно ее некоторым составляющим — локальным цивилизациям. Эта характеристика обосновывается существованием и усилением следующих угроз:

Табл. 1.

Современное состояние: (на середину 2014 г.)	Состояние всех элементов системы к середине 2020-х гг.	Состояние всех элементов системы к 2035 г.	Состояние всех элементов системы к 2050 г.
Человеческой цивилизации в 2014 г.	Человеческой цивилизации в 2025 г.	~ к 2035 г.	к 2050 г.
Международных отношений (МО) в 2014 г.	Международных отношений в 2025 г.	к 2035 г.	к 2050 г.
Военно-политической и военно-стратегической обстановки (ВПО и СО) в 2014 г.	ВПО и СО в 2025 г.	к 2035 г.	к 2050 г.

- ростом потребления ресурсов и угрозой их исчерпания;
- форс-мажорным усилением целого спектра экологических проблем;
- растущей системной конкуренцией за жизненно важные ресурсы и т. д.
- дальности (расстояния, измеряемого периодами в 10, 20, 30 лет). Очевидно, что корректность и эффективность того или иного сценария ВПО во многом зависит от «горизонта» прогноза. Так, для базового прогноза ВПО на 10 лет основные параметры уже известны сегодня. Ведь численность населения, качество и численность л/с, количество и качество ВиВТ, величина ВВП и порядок военных расходов, военно-промышленный потенциал и др. показатели за 10 лет поддаются достаточно точному линейному прогнозу. Например, можно обосновать, что точность определенных типов стрелкового оружия возрастет с 1000 метров до 3000 метров и т. д.

Среди множества различных сценариев МО доминируют опасные, угрожающие варианты конфронтации локальных цивилизаций, наций и отдельных субъектов МО и ВПО;

Для обоснования развития прогнозных сценариев на 20–25 лет также уже сегодня есть достаточное количество исходных данных. Однако при этом главную роль могут сыграть определенные переменные величины, которые требуют использования специальных системных технологий.

Наконец, для периода 30–40 лет прогноз сценариев развития ВПО и СО скорее будет носить гипотетический характер. Прежде всего, потому, что к середине нынешнего века, скорее всего, сменятся основные парадигмы развития

человеческой цивилизации — экономические, демографические, социальные и, прежде всего, научно-технические и технологические.

Однако и в рамках такого долгосрочного прогнозирования наверняка останутся ключевые показатели, отражающие фундаментальные, цивилизационные ценности. Даже новейшие достижения в биологии и информатике не изменят психическую, физиологическую и психологическую природу человека. Останутся неизменными во многом и базовые общечеловеческие социальные и духовные ценности. Другими словами, единственной научной основой для долгосрочного (30–40 лет) прогноза развития ЧЦ, станет системный анализ возможной конфигурации наиболее существенных трендов и тенденций развития, в частности, в области:

- а) вооружений и военной техники (ВиВТ);
- б) трансформаций в военном искусстве:
 - тактике;
 - оперативном искусстве;
 - стратегии.

Логическую модель и общую матрицу такого построения сценариев развития ВПО и СО можно описать следующим образом (табл. 1).

В этой матрице очень важна иерархичности, приоритетность обозначенных тенденций. Так, надо точно понимать, что развитие тенденции в ВПО и СО определяется, прежде всего, развитием более общих тенденций в МО и еще более общих — в человеческой цивилизации. Условно можно определить и удельный вес таких тенденций для первого (общечеловеческого), цивилизационного уровня, например, — МО — 5 единиц и ВПО — 2 единицы. Так, если переход на новый этап технологического развития и новый уклад со всеми вытекающими для всех субъектов ВПО последствиями, «весит» 10 единиц, то его проекция

в МО, например, при опережающем значении роста внешней торговли по отношению к ВВП, или росте значимости транспортных коридоров — 5 единиц. Реализация же результатов перехода на новый технологический этап и новые технологии в области ВиВТ — 2 единицы, что, на мой взгляд, вполне объяснимо и уже подтверждается первыми примерами. Если у вас есть определенная доля экономики, относящаяся к новому технологическому укладу и собственные качественно новые технологии, то их использование в военной области становится практически неизбежным при любых обстоятельствах.

Как видно из этой матрицы, принципиально важно максимально точно провести анализ нынешней современной ситуации, в которой находится человеческая цивилизация до анализа МО и ВПО, по трем основным причинам.

Во-первых, нужна точная «точка отсчета», точные координаты, описание и анализ уже существующих и начала возможных будущих тенденций, по которым будут развиваться будущие сценарии. Аналогично в геодезии, где, для того, чтобы точно проложить маршрут необходимо знать изначальное точное месторасположение. Точно знать начальные координаты нужно также при артиллерийской стрельбе, причем, чем дальше расстояние для стрельбы, тем важнее изначальная точность в определении координат. Соответственно для максимально точного стратегического прогноза, особенно удаленного на 30 и более лет, изначальное точное определение координат — обязательный залог эффективности. Поэтому характеристика сценариев развития МО и ВПО прямо зависит от точной характеристики современного состояния человеческой цивилизации.

Между тем именно по этому пункту (казалось бы, наименее сложному) у современных экспертов и исследователей множество расхождений. Примеров — в политической, экологической, научной областях — множество: от оценки перспектив добычи сланцевого газа и последствий «парникового эффекта» до оценки состояния ядерного сдерживания и мировой финансовой системы. Однако в любом случае предстоит выбрать какую-то «точку отсчета», от которой и предстоит прогнозировать развитие будущих сценариев ЧЦ.

Во-вторых, точный актуальный анализ позволяет определить относительно точное направление, вектор развития всех трех по-

следующих групп сценариев — МО, ВПО и СО. Это — принципиально важно, например, потому, что при большой дальности (в данном случае прогноза более 10 лет) любая изначальная неточность ведет к искажению вектора на большие расстояния. Так, неточность в оценке перспектив эволюции военного искусства через 10 лет может привести, например, к созданию ненужных (и даже вредных) систем и видов ВиВТ, а через 30 лет — к технологическому коллапсу и качественному провалу в развитии ВиВТ. Простой пример: выбирая вектор развития ЧЦ в направлении «универсализации» системы национальных ценностей, можно прогнозировать, что сценарий развития ЧЦ через 20–30 лет будет характеризоваться:

- отсутствием национальных систем ценностей, либо их подчиненностью «общечеловеческой» системе ценностей;
- отсутствием системы представлений о национальных интересах, либо их замещением «общечеловеческими» суррогатами;
- отсутствием системы духовных и нравственных ценностей и т. д.

И, наоборот, выбирая «национально-ориентированный» вектор развития сценария ЧЦ, можно однозначно исходить из того, что даже через 20–30 лет основу сценариев МО и ВПО будут составлять действия, жестко ориентированы на продвижение национальных систем ценностей, в т. ч. и в силовой форме.

В-третьих, изначальный точный анализ состояния ЧЦ позволяет вычленив в каждой из группы факторов наиболее важные тенденции и тренды, не заметив или недооценив которые можно позже допустить крупные просчеты в прогнозе на 10 лет, а тем более на 20 и 30 лет.

Таким образом описание сценариев развития МО, ВПО и СО должно опираться на максимально точный анализ современного состояния ЧЦ и перспектив ее развития.

Другая проблема, которую предстоит решать при описании конкретных сценариев развития МО, ВПО и СО, это **адекватная оценка национальных ресурсов и возможностей**. Так, ресурсы США и их союзников, включая разведывательные, информационные и аналитические, более, чем на порядок, т. е. в 15–20 раз превышают аналогичные ресурсы России. Учитывая существенное технологическое и организационное отставание России, можно говорить о двух или даже трех порядках, которые отделяют эконо-

мические возможности России от аналогичных возможностей Запада.

Это соотношение сил, естественно, влияет на оценку ВПО и МО в мире (Как говорили ранее классики, любой политический анализ начинается с определения баланса сил.) Причем двойка: как с точки зрения преувеличения значения экономической и технологической мощи для военной мощи государства (когда повторяется ошибка — ставить знак равенства между экономической и военной мощью), так и недооценки экономических и (во все большей степени) технологических возможностей. Примечателен в этой связи пример того, как в США рассматривают во втором десятилетии XXI века Китай, что наглядно видно на следующей диаграмме.

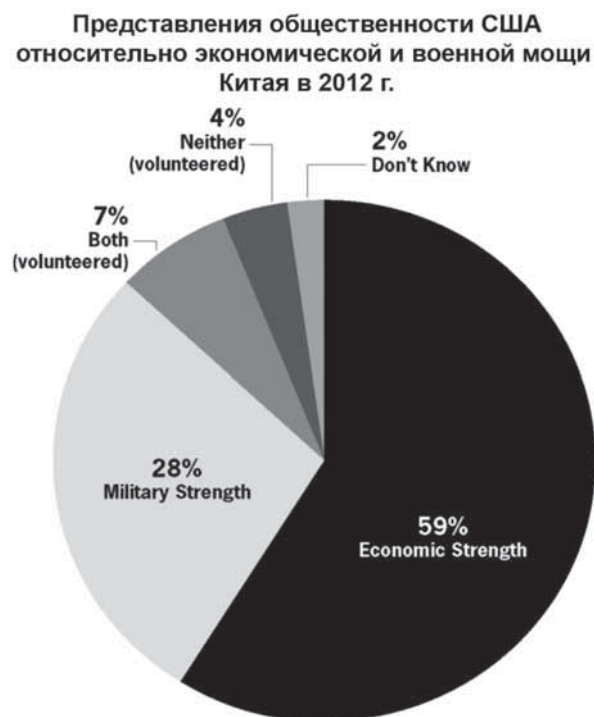

Рис. 7.¹²

Как видно из соцопросов, в 2012 году только 28% американцев ассоциировало Китай с растущей военной мощью, а 59% — экономической мощью. Эта оценка, вероятно, была характерна и для правящей элиты США, которая также очевидно недооценивала растущие военные возможности КНР, которые трудно оценивать количественными параметрами. Очевидно одно: точная, адекватная оценка системного соотношения сил, лежащая в основе политического анализа, является основой для построения всех реалистических сценариев развития ЧЦ и их последствий для МО, ВПО и СО. Причем такая оценка **не может огра-**

ничиться только количественными критериями оценки соотношения сил в мире.

Проблема, однако, заключается в том, что количественных показателей и критериев для анализа и оценки современного состояния ЧЦ — огромное число, но еще больше таких качественных параметров. Их невозможно учесть все, тем более в динамике постоянных изменений, когда переменные величины постоянно меняют свои значения. Соответственно следует исходить из того, что предлагаемые рекомендации для сценариев развития МО, ВПО и СО должны объективно опираться на определенные ограниченные ресурсы и другие возможности по сбору, систематизации и обработке информации в интересах противодействия внешним опасностям и военным угрозам России, вытекающим из анализа современного этапа развития человеческой цивилизации.

Это означает, что количество факторов, влияющих на формирование МО, ВПО, критериев и субъектов МО и ВПО должно быть **оптимизировано до разумных пределов**, позволяющих в реальном режиме собирать и обрабатывать информацию. Так, например, мы не можем позволить себе содержать штаты посольств, торгпредства и др. загранучреждений, включая резидентуры, в тех масштабах, в которых они были у СССР. Поэтому показатели, концепции и теории развития различных сценариев ЧЦ должны быть тщательно отобраны, систематизированы, а, главное, их анализом должен заниматься **специально подготовленный коллектив аналитиков**, включающий специалистов самого широкого профиля — философов, социологов, политологов, экономистов и т. д. От эффективности их работы в конечном счете зависит перспектива и адекватность анализа и прогнозов всех последующих сценариев развития — МО, ВПО и СО. Собственно любой последующий анализ и прогноз — внешнеполитический, социально-экономический, инновационный, транспортный, региональный, местный и т. д. — должен базироваться на сценариях развития ЧЦ, разработанных этим коллективом. В частности, сценарии развития МО, которыми обязаны заниматься эксперты МИД, РАН, ГРУ ГШ ВС РФ, Внешней разведки и др. ведомств, должны появляться не из ниоткуда, а из вполне конкретных сценариев развития ЧЦ. Это еще важнее для следующего этапа — разработки сценариев ВПО, — которые будут вытекать из сценариев МО.

Иными словами даже небольшие неточности (которые неизбежны) в анализе и прогнозе

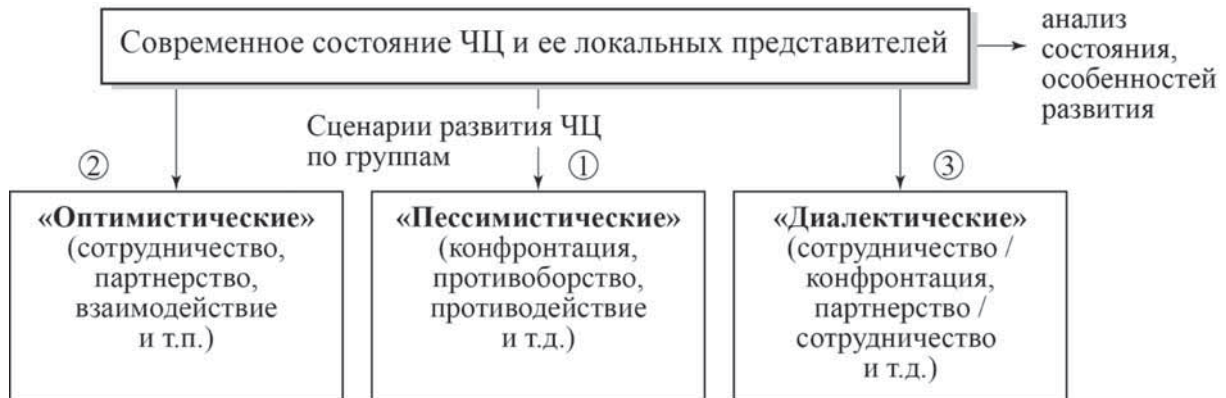

Рис. 8.

сценариев развития ЧЦ, ведут к искажениям в сценариях развития МО и ВПО.

Пока что о существовании такого коллектива, работающего в постоянном режиме, не известно. Поэтому приходится обращаться к результатам исследований либо отдельных, временных (как правило, небольших) групп, либо исследователям-одиночкам.

К настоящему времени сложилось несколько подходов к сценариям развития ВПО и СО в России и за рубежом до 2030–2050 годов, описанных в различных источниках и подготовленных различными коллективами и авторами, которыми, естественно, не исчерпывается весь спектр, существующих, возможных, а тем более вероятных сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО. Наиболее вероятными из них представляются следующие сценарии развития ЧЦ на долгосрочную перспективу, которые (учитывая огромное количество факторов влияния) целенаправленно сведены к следующим (рис. 8).

Очевидно, что подобный примитивизм мало что дает для содержательной характеристики сценариев развития ЧЦ, кроме первой попытки их систематизации. Однако данный подход позволяет выделить **варианты сценариев** развития ЧЦ, которые должны максимально широко представлять весь спектр возможных сценариев (не останавливаясь пока что на их вероятном характере).

В качестве примера предлагается рассмотреть 1-ю группу сценариев развития ЧЦ, выбранную по принципу «наибольшей вероятности» реализации.

Первая группа сценариев («пессимистические») представляет собой варианты конфронтационного развития ЧЦ, где «точкой отсчета» является оценка состояния ЧЦ летом 2014 года.

Речь идет о нарастающем напряжении в МО и обострении ВПО, которое становится результатом обострения противостояния локальных цивилизаций, их систем ценностей и интересов. В практической политике это проявляется в усилении борьбы за природные ресурсы, транспортные коридоры и продвижении своих систем ценностей и норм. Пример с нарастающим конфликтом в Украине — наиболее яркое подтверждение практической реализации такого сценария.

По логике таких сценариев основные субъекты МО и ВПО, возглавляемые ими коалиции готовятся к активному применению военной силы во всех трех ее формах:

- а) возможности ведения победоносной глобальной войны (как минимум, создания уверенности в этом);
- б) возможности ведения успешных реальных военных действий на различных ТВД, с участием союзников и партнеров;
- в) возможности эффективного использования широкого спектра новых силовых инструментов под прикрытием угрозы применения военной силы:
 - дипломатических;
 - информационных;
 - гуманитарных и пр.

Таким образом, первая группа («пессимистических») сценариев характеризуется прежде всего способностью и готовностью использования силы в своей политике, включая военную силу. Различные варианты таких конфронтационных сценариев можно свести к следующим:

- сценарий ведения глобальной войны;
- сценарий ведения глобальной вооруженной борьбы, исключая ядерное оружие;
- вариант сценариев ведения глобальной, региональной и локальной войны.

Таким образом в формализованном виде «набор» сценариев использования силы в ее прямой форме сводится к трем вариантам.

В действительности такой набор вариантов силовой политики в ее прямой форме значительно шире и зависит как от степени детализации в военном искусстве, так и собственно военной политики государства.

Значительно более широк спектр вариантов силовой политики в рамках группы «пессимистических» сценариев, который формируется при растущем участии возможных союзников и партнеров (силовая форма «б»). Прежде всего, из-за того, что изменения в соотношении глобальных сил, по мнению военно-разведывательного сообщества США, должны обязательно вести к расширению коалиционного потенциала и интенсификации коалиционной политики, вовлечения в нее новых государств и формирования официальных альянсов и неформальных союзов.

Наконец, еще более широкий спектр составляют различные вариации третьей формы силовой политики, когда угроза применения военной силы рассматривается, прежде всего, в качестве важного средства политико-психологического давления, использования значительного количества невоенных силовых способов.

Предполагается, что именно третья форма использования военной силы может стать стратегической, однако она отнюдь не исключает, более того предполагает возможность применения первых двух силовых форм. В выступлении в военной академии в мае 2014 года Б. Обама изложил этот силовой подход следующим образом: «США должны играть ведущую роль в мире, полагаясь, в частности, на свои вооруженные силы... Мой вывод таков: на мировой арене Америка всегда должна вести всех за собой. Если мы не возьмем на себя эту роль, то ее возьмет кто-то другой», — подчеркнул Обама. Он также заявил, что именно «вооруженные силы (США) всегда будут основой этого лидерства».

Соединенные Штаты, по словам нынешнего главы США, будут использовать военную мощь, и в одностороннем порядке при необходимости, когда этого будут требовать «ключевые интересы: если будут поставлены под угрозу жизни наших людей, наше благосостояние, если под угрозой окажется безопасность наших союзников». «В этих обстоятельствах нам все равно придется задавать себе трудные вопросы: явля-

ются ли наши действия пропорциональными, эффективными и справедливыми. Международное общественное мнение имеет значение. Но Америка никогда не должна спрашивать разрешения защищать наш народ, нашу страну, наш образ жизни», — отметил он.

В то же время, если будут возникать глобальные вопросы, которые не представляют прямой угрозы США, «тогда порог применения вооруженных сил должен быть выше», сказал глава Белого дома. «В таких обстоятельствах, — отметил он, — мы не должны действовать в одиночку. Вместо этого мы должны мобилизовать союзников и партнеров и принимать коллективные меры. Мы должны расширять наши средства, включать в них дипломатию и развитие, санкции и изоляцию, мы должны апеллировать к международному праву и предпринимать многосторонние военные действия, если они справедливы, необходимы и эффективны»¹³.

Надо понимать, что по мере изменения соотношения сил в мире не в пользу США будут меняться и акценты в выборе форм использования силы, однако представляется, что все три формы не потеряют своей актуальности. До 2020 года модель, предложенная Б. Обамой, по объективным причинам будет доминировать, но после 2020-х годов вероятно ослабление первой формы (вероятности глобальной войны), если не удастся создать очевидного военного превосходства в неядерных вооружениях.

Учитывая, что первая форма использования военной силы после 2020 года будет зависеть в основном от степени реализации 2-ой формы (возможности ведения успешных военных действий на различных ТВД), а третья форма также будет предопределена реалистичностью успешного применения военной силы по второй форме, это означает, что в 2020–2050 годы произойдет своего рода ренессанс неядерных ВиВТ. Естественно, на качественно новом уровне, и, прежде всего, когда речь идет о ВТО и воздушно-космических средствах обороны.

Логическая матрица развития этого сценария может выглядеть следующим образом.

Если говорить о степени внимания и масштабах финансирования НИОКР и ВиВТ, различных форм возможного использования военной силы, то условно их можно определить по 5-и балльной системе следующим образом.

	1-я форма	2-я форма	3-я форма
до 2020 г.	4	5	5
до 2030 г.	3	5	5
до 2050 г.	1	5	5

Как видно из предлагаемой матрицы, военное строительство в США будет определяться установками на приоритетное использование самых различных форм военной силы. Причем внимание (и финансирование) ВиВТ для 1-й формы — стратегических вооружений — будет сохраняться и вытесняться ВиВТ 2-й формы — ВТО и ВКО.

В эти же годы происходит пересмотр отношения к силовому обеспечению политики иррегулярными ВС и новыми силовыми средствами, которые формально могут не относиться к средствам вооруженной борьбы.

Подытоживая, можно сказать, что избранная в качестве примера 1-я группа сценариев развития ЧЦ («пессимистическая») представила широкий набор сценариев и вариантов сценариев силовой политики, количество которых ограничено использованием тех или иных форм силовой политики. Каждый такой сценарий и его

вариант развития требует точного, системного анализа — политического, философского, экономического, военного, — в результате которого появятся сценарии и их варианты развития МО и ВПО, а иногда и СО.

Вторая группа сценариев развития ЧЦ («оптимистические») предполагает, что уже во втором десятилетии XXI века в развитии ЧЦ доминируют позитивные тенденции сотрудничества и развития. Анализ этих тенденций привел к тому, что набор «позитивных» сценариев развития ЧЦ ведет к доминированию таких же позитивных сценариев развития МО и ВПО. Так, в частности, будет происходить демилитаризация союзов, коалиций, блоков, их возможный роспуск, сохранение военных расходов и т. д. И, наоборот, «позитивность» для России будет означать, что в мире будет создана мощная евразийская военно-политическая коалиция во главе с «российским ядром», куда войдут не только страны ЕвразЭС, но и, возможно, целый ряд других евразийских государств. Эта коалиция сможет нейтрализовать негативное влияние НАТО.

Третья группа сценариев развития ЧЦ («диалектическая») будет состоять из сценариев, объединяющих противоречивые тенденции, сочетающие как позитивные, так и негативные аспекты деятельности государств.

4.2. Сценарии развития человеческой цивилизации и долгосрочный стратегический прогноз

Укрепление тренда на ускоренное нарастание этнической и культурной разнородности очевидно во многих странах...¹⁴.

А. Байков, доцент МГИМО(У)

Для стратегических прогнозов ВПО и СО, как уже говорилось, принципиальное значение имеет прогноз сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ), которые являются основой для формирования сценариев развития МО и, соответственно, ВПО и СО.

Изначальная самая серьезная ошибка в таком прогнозе заключается в исключении из числа вариантов развития ЧЦ какой-либо существенного возможного сценария, что неизбежно влечет за собой исключение всей «цепочки» сценариев МО, ВПО и СО, вытекающих из этого варианта.

Исходя из этого, важно изначально не исключать ни одного из возможных сценариев

развития, даже если степень его вероятности и вызывает в данный момент сомнения. Поэтому уже первый этап работы — выделение возможных сценариев развития ЧЦ и из их числа вероятные сценарии развития МО — представляет собой достаточно сложный этап, без которого, однако, говорить о последующей работе над долгосрочным прогнозированием развития ВПО и СО бессмысленно.

Думается, что формализация такой работы необходима. Логическая схема поможет избежать того, чтобы какой-либо (даже только теоретически возможный) сценарий не оказался забыт. Представляется, что при такой работе